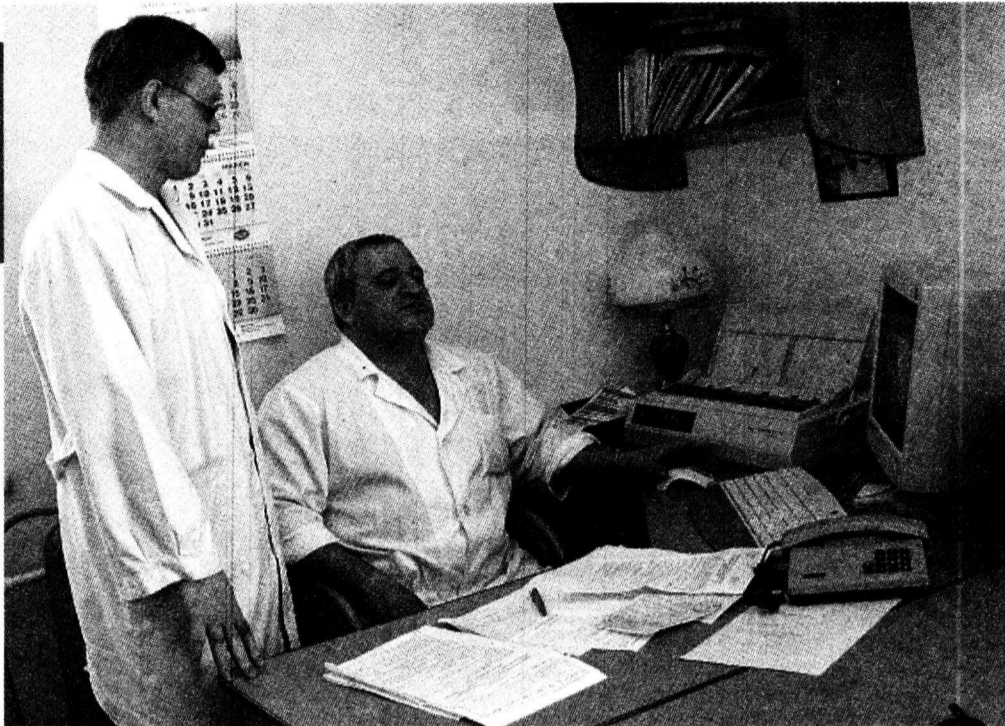

Шахматная партия доктора Сака

Врач от бога — так говорят о нем пациенты и коллеги. Врач по призванию — так говорит о себе он сам

Леонид Сак — доктор медицинских наук, заведующий нейрохирургическим отделением медико-санитарной части городской администрации и ОАО «ММК». В его кабинете стоит огромный тренажер: как врач он считает, что продлить жизнь физически нельзя, но важно прожить отпущенный тебе срок в здравом уме, а потому с увлечением занимается спортом, разработал специальную систему и даже пишет книгу «Боди-билдинг для пожилого джентльмена». Он цитирует «Мастера и Маргариту» и вообще может поговорить на любую тему. Даже легкомысленную.

— Леонид Давылович, говорят, заведующие отделением практической медицины не занимаются, их епархией становится административная работа.

— Это полная глупость. Да, административной работы у меня хватает, но помимо нее любой заведующий отделением должен оперировать на должном уровне — по крайней мере, не хуже остальных врачей. Общепринятая практика — заведующий берет на себя самых тяжелых больных. И если брать данные медицинской статистики, то самый высокий процент смертности должен быть именно у заведующего отделения.

— У вас это так?

— Может быть, не совсем, но я стараюсь наиболее сложные случаи брать на себя. Другое дело, сегодня со мной работают коллеги достаточно серьезного уровня. В отделении нейрохирур-

где должен был жить генетически, и поэтому подсознательно переносит этот дискомфорт на окружающих. Как бы комплекс собственной невыраженности. Знаете, есть такая притча, когда бог и один из архангелов, обходя свою паству на том свете, рассказывают о каждом: вот этот человек должен был быть великим военачальником, а стал средним учителем. Эта должна была стать хорошей журналисткой, а стала, к примеру, плохой певицей. Так вот, думаю, когда очередь дойдет до меня, обо мне скажут: он должен был стать доктором и стал им.

— Как к выбору профессии отнеслись родители?

— Положительно. Мой отец когда-то тоже мечтал стать врачом. Он окончил гимназию с золотой медалью и хотел поступать во Львовский медицинский институт. Но началась война, и он ушел на фронт. Почти всех моих родственников из-за национальной принадлежности не миновали гетто, концлагеря... Когда я сказал, что хочу стать доктором, отец очень обрадовался: для него моя работа стада исполнением его не реализовавшейся мечты.

— Докторов называют великими циниками. Вы с этим согласны?

— Мы не циники, мы просто гораздо раньше всех остальных приходим к мудрости, потому что раньше других сталкиваемся со смертью. Представьте себе: я — парнишка 18 лет, который, как и все, смотрит на мир сквозь розовые очки: считает, что родители не му-

приходит понимание того, что на самом деле от тебя почти ничего не зависит, и все вылетевшие тобой люди — лишь мизерный процент из числа тех, кому ты помочь не в состоянии. Например, я ничего не могу поделать с тяжелойшей черепно-мозговой травмой, раковыми опухолями мозга. И этого не может сделать никто: ни у нас, ни в Париже, ни на Марсе — медицина перед этим бессильна.

— Говорят, врачи — страшные безбожники, потому что знают о человеке все. Наверное, нейрохирурги должны быть безбожниками «в квадрате», ведь вам доступны тайны головного мозга?

— Однажды один мой близкий друг, который уже многие годы живет за границей, спросил: а ты веришь в бога? Я ответил: нет. И он сказал: «Это потому, что ты еще слишком молод, ты придешь к этому позже». Я действительно безбожник, но уже менее воинственный, чем прежде. Мой друг оказался прав, во мне уже просыпается что-то, похожее на веру.

— В чем это выражается, кроме банального «дай бог» и «сохрани господь»?

— Пока я не могу даже сформулировать эту мысль до конца, мне сложно это принять в себе. Ведь мы воспитывались в активном атеизме. Сейчас наши дети впитывают в себя другие постулаты, но я уже воспитанию не поддаюсь. Я уже знаю, что верю, но пока не могу сказать, во что именно — в бога, в высший разум...

— Вернемся к земным темам. Судя по всему, у вас достаточно специфический круг общения?

— Да. У каждого человека с возрастом круг общения сужается, как бы количество общения переходит в качество. Мой самый близкий круг общения приобретен давным-давно. В студенческие годы мы жили в общежитии четвером в одной комнате. И стали друзьями на всю жизнь, несмотря на то, что судьба развела нас по разным городам: я заведу отделением нейрохирургии в Магнитогорске, один мой друг — главный акушер-гинеколог в Миассе, другой — заведует отделением хирургии в Челябинске-40, а третий — вообще ушел из профессии и стал одним из ведущих функционеров областного отделения партии «Единая Россия».

— Жену тоже встретили в медицинском кругу?

— Нет, жена у меня музыкант, как, впрочем, у многих моих коллег. Почему-то так складывается. Даже некогда есть такой: прилетает в Израиль самолет с эмигрантами, из него выходит муж-еврей и жена со скрипкой. А вот мой старший сын пошел по моим стопам и стал врачом. Правда, он работает в отделении сосудистой хирургии и готовится стать кардиохирургом. Второй отпрыск с выбором профессии еще не определился.

— Что вы цените в людях, кроме профессионализма?

— Очень ценю чисто человеческую

преданность, порядочность в отношениях, уважение друг к другу. Я был свидетелем случая, когда один уважаемый доктор, осматривая очередного больного, спросил: «Какой идилот сделал вам такой грубый операционный шов?» А тот ему в ответ: «Это сделали вы».

— Вы много бываете за границей, выступаете на семинарах и конференциях. Много ли вы там узнаете нового, насколько тамошние специалисты грамотнее наших?

— Это в первой научной поездке — лет семь назад в английский Кембридж — я узнал много нового. Потом появились Интернет, возможность общения, и сегодня нового из всей информации на семинаре я черпаю процента три, не больше. Но важен вот этот тонус, что пообщался с умными людьми. Большое медицинское впечатление на меня произвела Америка. Высочайший уровень техники, оборудования, подход к пациенту, включая его юридическую защиту, а главное — высокий профессионализм и узкая специализация. Там клиники, в которых врачи получают от миллиона долларов в год, проводят всего один вид операции! Семинар там проходил в пятизвездочном отеле, к нашим услугам была роскошная медицинская библиотека, техническая и литературная выставки. Я вышел покурить в холл. И с ужасом для себя отметил, что курю здесь только я и еще один чернокожий врач. Из 200 человек.

— Мы, провинциалы, любим кричать о том, что у нас, мол, не хуже, чем в столице. В частности, такое утверждение я не раз слышала об уровне медсанчасти. Это так?

— У нас в медсанчасти очень хорошо, это я могу сказать точно. Во многом, конечно же, это обусловлено особыми отношениями, сложившимися между медсанчастью и комбинатом. Поэтому мы можем позволить себе использование новых технологий, высокий технический уровень, постоянное повышение квалификации кадров. Если ты будешь работать, учиться, пытаться расти, тебя обязательно заметят и поддержат — это абсолютно точно, без всякой лести в адрес нашего главврача Марины Викторовны. Живя в Магнитогорске, ты можешь печататься, ездить на конференции, повышать свой профессиональный уровень. У нас в медсанчасти работают три доктора и 11 кандидатов медицинских наук — это очень серьезная цифра. Есть, конечно, проблемы, о которых я просто не хочу говорить, потому что мне и даже главному врачу их не решить — это проблемы федерального масштаба.

— Например, низкая зарплата врачей?

— Знаете, в последнее время я что-то не слышал, чтобы именно врачи уж очень жаловались на свою зарплату. Есть проблема, например, младшего медперсонала — и их заработной платы, и их условий работы — и поэтому уровня людей, которые приходят сюда работать. На Западе, скажем, подобную грязную работу выполняют нелегально находящиеся в стране, солдаты альтернативной службы, а у нас это пушено на самотек. Но это не наш уровень проблем, и не нам их решать.

— Может, стоит серьезнее относиться к выбору власти, которая сможет решить эти проблемы?

— Вот здесь вы правы. К сожалению, сегодня, это я говорю как доктор, у большей части политиков явно выражены отклонения в психике. Потому что я считаю отклонением в психике уже то обстоятельство, что человек, не представляя себе степени ответственности, заявляет себя в качестве кандидата в мэры города, в депутаты любого уровня... Этим могут заниматься только профессионалы.

— И еще вопрос, который я задаю всем героям своих материалов: жизнь — это то, что складывает сам человек, судьба или стечение обстоятельств?

— Думаю, это воля человека, которой руководила судьба. Конечно, мы принимаем в этом участие, но, наверное, это все генетически заложенные вещи — то, что вы называете богом. Меня поразили результаты исследования, проведенных учеными-генетиками на парах однояйцевых близнецов, которые имеют один генетический код, но волей судьбы были разлучены. Они воспитывались в разных условиях, многие даже не знали друг о друге, но — удивительные вещи: они выбирают одну и ту же профессию, женятся на brunettes, они называют одинаково своих детей и так далее, а к определенному возрасту у них, несмотря на разницу в социальном и финансовом положении, развиваются одни и те же заболевания. Конечно, мне бы хотелось верить, что свою судьбу я построил сам. Но перед таким фактом устоять невозможно.

— Вы все раскладываете по полочкам. Скажите, мэтр: а что такое для вас любовь? Светлое чувство или все та же физиология и генетика?

— Как врач, я понимаю, что любовь — это физиология. Но как человек, я против. Я отвечаю шуткой: если люблю я, то это не физиология. Когда ты любишь, нужно просто не думать об этом.

Рита ДАВЛЕТШИНА.

Фото Дмитрия РУХМАЛЕВА.

Если ты будешь работать, учиться, пытаться расти, тебя обязательно заметят и поддержат

гин, помимо меня, еще трое хирургов высшей категории и два молодых толковых врача. Но даже если тяжелую операцию делает другой доктор, заведующий должен помогать, находиться рядом.

— Как начался ваш путь в медицине?

— С Челябинского медицинского института. В медсанчасть я пришел после его окончания в 1976 году, так что скоро отмечу юбилей.

— Кем было подсказано решение поступить в медицинский институт?

— В ту пору, когда я заканчивал школу, в мечтах моих ровесников было три специальности: учитель, журналист, врач, ну, еще геолог. В детстве я активно занимался шахматами, была даже мысль поступить на шахматный факультет Московского института физкультуры. Но чтобы получить право сдать экзамены, я должен был быть не менее, чем мастером спорта. У меня такого звания не было, так что великого шахматиста из меня не получилось. И слава богу.

— То есть вы на своем месте?

— Абсолютно! Я вообще часто говорю о том, что в каждом из нас генетически заложен определенный уровень общения и работы. И если ты попадаешь на уровень выше или, не дай бог, ниже, плохо будет не только тебе, но и окружающим — семье, друзьям. Сейчас ведь даже есть теория, объясняющая массу человеческих неудач именно с этой точки зрения. Разводы или, к примеру, плохие отношения с детьми — это вовсе не потому, что отец их плохо воспитывал или мало зарабатывал, а потому, что он попал не в ту сферу,

рут никогда, а любовь — это вечное чувство. Такому мальчишке на втором или третьем курсе поручили пациента, который вскоре умирает. И я должен прийти в морг на вскрытие к тому, с кем еще вчера разговаривал о погоде и других банальных вещах. Это ужасный стресс, шок! И ты понимаешь, что к родителям нужно относиться бережно именно сейчас, а не «когда-нибудь», что человеческая жизнь — это ценность, которую нужно беречь, потому что она бесконечно слаба и легко прерывается. Абсолютно уверен, что я понял все это раньше, чем другие мои среднестатистические ровесники. Встречаясь на общих мероприятиях со студентами других вузов, мы были гораздо старше, мудрее их. И это воспринималось как цинизм.

— То есть все иллюзии исчезли еще в институте?

— Нет, потом было много других иллюзий, чисто профессиональных. У нас в отделении почти каждый день есть случаи, которые, если бы не наше вмешательство, могли бы окончиться смертью. Банальный пример: пришел человек с работы, выпил рюмочку водки, лег спать и не просыпается. Воскресать не в состоянии его привозят к нам. Если оставить его спать еще на шесть часов, он умрет. Это знает любой, даже начинающий нейрохирург. И мы вмешиваемся и делаем то, что должны сделать. Поначалу это безумно окрыляет: в твоих руках человеческая жизнь, и только от твоего профессионализма она зависит. Но потом к этому привыкаешь, относишься спокойно — это просто становится частью профессии. Более того, с практикой